

УДК 316.28

**КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ Г.Г. ПОЧЕПЦОВА
В СВЕТЕ УЧЕНИЯ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ Л.Н. ГУМИЛЕВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНТУР ПРОБЛЕМЫ**

© Александр Юрьевич ПАНОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью,
e-mail: aleksandr.panov05@yandex.ru

Предпринимается попытка рассмотреть концепцию информационной войны известного исследователя в сфере коммуникологии и связей с общественностью Г.Г. Почепцова в ракурсе основных положений теории этногенеза историка и этнолога Л.Н. Гумилева. Обоснована актуальность проблемы информационного воздействия на целые страны и народы в условиях повышения значимости информационно-коммуникативных процессов для человеческой цивилизации. Анализируется как созидательный, так и разрушительный потенциал информационной составляющей, механизм реализации информационной агрессии, представляющей собой, как доказывается, коммуникативную технологию. Прослеживаются общие взгляды Г.Г. Почепцова и Л.Н. Гумилева на конкретные инструменты, объекты и цели, а также последствия информационной войны. Впервые концепция информационной войны Г.Г. Почепцова рассматривается сквозь призму гумилевской теории этногенеза. Такая постановка проблемы позволяет раскрыть феномен информационной войны на уровне этносферы и использовать теорию этногенеза в качестве инструмента для прикладных технологий в целях противодействия информационной экспансии.

Ключевые слова: информационная война; теория этногенеза; стереотип поведения; картина мира; этническая доминанта; антисистема.

«Человеческий разум не является формой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие» [1, с. 252], – утверждал великий русский ученый и мыслитель В.И. Вернадский. Информационные войны, наглядно продемонстрировавшие в последние десятилетия способность к разрушению политических, этнических и государственных систем, служат ярким подтверждением тезиса В.И. Вернадского и придают особую актуальность изучению закономерностей противоборства в инфосфере.

Деструктивный потенциал информации, обусловленный мощным развитием коммуникативных технологий, подробно исследуется известным теоретиком информационных войн и специалистом в коммуникологии, имиджелогии и связях с общественностью Г.Г. Почепцовым.

Анализируя характерные особенности информационных войн, ученый приходит к выводу об относительной автономности и самостоятельности этого феномена по сравнению с военными операциями. Подобный взгляд базируется на интерпретации информационной войны Г.Г. Почепцовым как

«коммуникативной технологии по воздействию на массовое сознание с долговременными и краткосрочными целями» [2, с. 10]. В данном определении слово «коммуникативная» является ключевым эпитетом, указывающим на природу информационного противоборства. Под коммуникацией исследователь понимает «процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы» [3, с. 15]. Таким образом, Г.Г. Почепцов обозначает коммуникацией причинно-следственную связь между словом и действием: решения и поступки группы или отдельного индивида становятся результатом воздействия вербального послания. Коммуникация – это механизм изменения реальности с помощью слова. Поэтому главным оружием в коммуникативной сфере становится информация, которая преобразовывается из вербально-семиотической системы в конкретные действия, часто имеющие необратимые отрицательные последствия для целых народов и государств.

Как справедливо замечает Г.Г. Почепцов, информационные войны – феномен, имеющий богатые исторические традиции,

но современная цивилизация отличается резким возрастанием зависимости от информации, а, следовательно, повышается роль информационных противостояний в глобальных масштабах. Особое внимание исследователь обращает на то обстоятельство, что «в прошлом страны жили, потребляя вырабатываемую в них самих информацию, поэтому она не могла нести принципиально разрушительного характера» [2, с. 27]. В этом утверждении содержится изначальное понимание страны как закрытой информационной системы, для которой информация не имеет нейтрального характера, но может способствовать либо развитию, либо распаду системы. Кроме того, весьма перспективной для изучения и осмысления информационных войн представляется мысль о разрушительном потенциале сообщений, поступающих из источников, которые находятся за пределами страны как замкнутой коммуникативной структуры. В свою очередь, собственные информационные продукты этой закрытой системы не содержат, согласно Г.Г. Почепцову, подобной угрозы. В связи с этим, единственной целью информационной войны Г.Г. Почепцов признает разрушение, которое не предполагает последующего созидания. Исключительно деструктивный вектор информационных потоков в условиях коммуникативного противостояния «может строиться и на позитивном действии, которое будет, однако, нести разрушительный характер для системы» [2, с. 30].

Именно в несоответствии благожелательной формы информационного сообщения его негативному семантическому заряду скрывается эффективность коммуникативного воздействия на человека и целый коллектив, у которых блокируется способность на действия, адекватные опасному влиянию.

Но что разрушает информационная война, если говорить о деструктивном назначении? На этот закономерный вопрос Г.Г. Почепцов отвечает формулировкой ее основных целей, которые тесно связаны именно с объектами разрушения в информационном противостоянии. «Внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре» [3, с. 134], – определяет исследователь первую цель информационной войны. Можно сказать, что объектом информаци-

ной агрессии является поведенческий стереотип, доступ к которому открывается через когнитивную сферу. Изменение поведенческой структуры предполагает реализацию не только краткосрочных планов, связанных, например, с формированием общественного мнения по отношению к государственным деятелям, политическим событиям или иным социально значимым вопросам, но и осуществление долгосрочных программ с помощью информационно-коммуникативных технологий. Ведь на когнитивном уровне, о котором говорит Г.Г. Почепцов, вырабатываются навыки и приемы мышления, понимание и отношение к окружающему миру, которые, в конечном счете, образуют поведенческую структуру. Искажение когнитивной структуры на уровне целой страны, постепенное или мгновенное, может вызвать непредсказуемые последствия в поведенческом стереотипе населения и сыграть негативную роль в исторической судьбе государства.

С информационно-коммуникативным воздействием на поведенческую структуру коррелирует другая цель информационной войны: «Введение определенных элементов неуправляемости социальными системами» [2, с. 17]. Безусловно, проведение военных операций также нацелено на создание неуправляемой ситуации в системе, против которой ведутся боевые действия. Но, согласно Г.Г. Почепцову, изменение поведенческой структуры через когнитивный механизм неизбежно парализует системное управление. Логично предположить, что именно устойчивая поведенческая структура – залог эффективного управления социальной системой, и поэтому против нее всегда направлен главный информационный удар. Собственно, изложение целей информационной войны Г.Г. Почепцовым можно назвать раскрытием упомянутого им тезиса американских исследователей Г. Джоветта и В.о'Доннелла о наличии в пропаганде скрытых задач, «которые не входят в число интересов получающего информацию» [3, с. 134].

Что представляет собой механизм изменения поведенческой структуры с позиции информационной агрессии? Как утверждает Г.Г. Почепцов, ее модификация базируется на деформировании картины мира в массовом сознании с помощью коммуникативного воздействия. «Резкое изменение <...> карти-

ны мира получателя может рассматриваться как определенное информационное вторжение, представляющее опасность для получателя» [2, с. 10], – заявляет Г.Г. Почепцов. Надо заметить, что картина мира формируется на грани мироощущения и мировоззрения, являясь как определенным видением мироздания, так и важнейшим, всегда уникальным элементом этносоциальной системы. Искажение картины мира как феномена сознания возможно только информационно-коммуникативными средствами, но последствия этой деформации сказываются на политическом, социально-экономическом, культурном, геополитическом и других уровнях. Ведь картина мира в когнитивном ракурсе служит одним из способов обработки информации в системе, определяя, в конечном счете, поведенческую доминанту по отношению к себе и окружающему миру, друзьям и врагам. Поэтому в условиях коммуникативного противостояния актуализируется принцип селективного восприятия информации, заключающийся в отборе новостей, подтверждающих картину мира и игнорировании противоречащих ей сообщений. По мнению Г.Г. Почепцова, именно картина мира является наиболее уязвимым звеном общественной системы.

Помимо сознательного искажения существующей картины мира, эффективным приемом в информационном противостоянии исследователь называет внедрение в массовое сознание альтернативных моделей мира, способных заменить или подменить первоначальную структуру мировосприятия и диктующих иной поведенческий стереотип. Можно сказать, что информационная война – это прежде всего соперничество представлений о мироздании. Именно различные варианты картины мира предлагаются в условиях информационного противоборства отдельному человеку и целому обществу, которые обладают свободой выбора, не избавляющей, однако, от ответственности за принятое решение. Ведь ценой ошибки в информационной войне может оказаться распад и разрушение общественно-государственной структуры или этнокультурного региона. Особый драматизм информационной войны состоит в том, что эффективность коммуникативного влияния выражается в добровольном принятии картины мира, созданной противником,

объектом информационной атаки без насильственного принуждения. Поражение в коммуникативном пространстве часто не замечается побежденной стороной, потому что оно стало результатом ее свободного выбора.

Столь парадоксальное свойство информационной войны обуславливает, согласно Г.Г. Почепцову, размывание оппозиции «друг – враг», на которой основан любой военный конфликт. «Можно считать кого-то союзником, хотя на самом деле он является врагом» [2, с. 43], – подчеркивает Г.Г. Почепцов. Успешная ролевая симуляция и создание доверия к источнику информации – необходимые условия для успешного проведения информационной войны, которая «может идти на фоне всеобщего мира и благополучия» [2, с. 42]. Поэтому можно сказать, что война в коммуникативном пространстве предполагает самоубийство этносоциальной системы. Искусственная модификация картины мира, способов обработки и хранения информации на уровне массового сознания со скрытыми деструктивными импульсами неизбежно видоизменяет поведенческую структуру, которая детерминирует принятие решений и совершение действий, выгодных противнику, но противоречащих интересам или просто губельных для объекта информационной экспансии.

Конкретным проявлением агрессивного воздействия на коммуникативное пространство общественно-культурной структуры следует признать высказанное в книге «Россия у критической черты: возрождение или катастрофа» мнение о попытке разрушения «языково-знаковой системы российского суперэтноса» [3, с. 15], процитированное Г.Г. Почепцовым. Ученый не берется прогнозировать возможные негативные последствия подобного воздействия, но обращает внимание на масштаб и непредсказуемость такого социально-культурного эксперимента. Действительно, языково-знаковая система является одним из уникальных способов обработки, форматирования и консервации информации, и умышленная деформация языково-семантической структуры угрожает нормальному функционированию любой этносоциальной системы, в т. ч. и российской.

Но если речь идет об угрозе коммуникативного пространства российского суперэтноса, то особое значение приобретает естест-

веннонаучная теория этногенеза Л.Н. Гумилева, располагающая теоретическим арсеналом для успешного противодействия информационным экспансиям.

Кроме того, ученый неоднократно подчеркивал актуальность проблемы «установления взаимопонимания, <...> как в глобальных масштабах мировой политики, так и в <...> личных, при встречах с людьми симпатичными, но не непохожими на нас» [4, с. 19]. Достижение взаимопонимания между коллективами и отдельными индивидами – это и есть задача коммуникации.

Рассматривая процессы происхождения, развития и исчезновения народов на стыке естественнонаучных и гуманитарных знаний, Л.Н. Гумилев определяет этнос как биосоциальную систему, функционирующую благодаря биохимической энергии живого вещества. Единство разнообразных элементов этносистемы определяется, по Г.Н. Гумилеву, внутренними и внешними связями, которыми «служат ощущения «своего и «чужого», а не сознательные отношения, как в обществе» [5, с. 309]. Пассионарный характер этнической целостности позволяет Л.Н. Гумилеву отнести ее к классу закрытых систем, в которые энергия поступает единой порцией и затем постепенно растрчивается под воздействием возрастания энтропии. Указывая также на корпускулярный тип связей в этносе, основатель этнологии обращал внимание на определенную степень жесткости любой этнической системы. «Причем она тем больше, чем больше привнесено в нее трудом человека» [4, с. 104], – замечал Л.Н. Гумилев.

Как и Г.Г. Почепцов, автор теории этногенеза очерчивает двойственную, но всегда значительную роль информационной составляющей в этнической системе, отмечая созидательный и деструктивный потенциал информации для этноса. В силу биосферных закономерностей закрытая система постоянно стремится к удалению накопившейся энтропии и обмену энергией с внешней средой. Этот обмен в этносе «регулируется управляющими системами, использующими запасы информации, которые передаются по наследству» [4, с. 100], – утверждал Л.Н. Гумилев. Одной из подобных управляющих систем он называет традицию, активно использующую информационные запасы для устойчивого развития этносистемы и сохранения

внутренних и внешних связей. Вместе с тем, Л.Н. Гумилев категорически отрицает самопроизвольность появления в этнической целостности мощных информационных баз данных и обосновывает тезис о сознательном накоплении информации. Такая интерпретация функционального назначения информации в этногенезе позволяет говорить о том, что в этносе «человек всегда работает для своих близких и в своем ландшафте, на базе опыта предков – своих, а не чужих» [4, с. 485]. Гумилевское представление информации важнейшим компонентом, обеспечивающим стабильное управление закрытой этнической системой, весьма схоже с интерпретацией Г.Г. Почепцовым отдельной страны как закрытой информационной системы, для которой безопасна исключительно собственная информация. Различие во мнениях между двумя учеными заключается лишь в том, что Л.Н. Гумилев распространяет эту закономерность на современность, а Г.Г. Почепцов ограничивается историческим прошлым.

Но о каком столь важном объекте передают сведения информационные потоки, циркулирующие в динамической этносистеме не только в пространстве, но и во времени? Согласно теории этногенеза, с помощью сформированных столетиями информационных баз данных через традицию, выступающую основным коммуникативным каналом, осуществляется преемственность стереотипа поведения, уникального для каждого этноса. Разнообразие и несхожесть этнических поведенческих стереотипов – ключевые характеристики этносферы. «Этнос – это способ вести себя, приемлемый для ваших соседей» [6, с. 411], – пояснял Л.Н. Гумилев, придавая коммуникационный характер теории этногенеза. Взаимосвязанные между собой понятия «поведенческий стереотип» и «информация» становятся в этнологии, как и в концепции Г.Г. Почепцова, центральными категориями для осмысления механизма информационных войн.

Помимо психологического содержания, этнический стереотип поведения в гумилевской теории наполняется определенным семиотическим значением, и поэтому представляет собой «особый поведенческий язык, который передается по наследству, но не генетически» [5, с. 309]. Безусловно, поведенческий язык, согласно почепцовской концеп-

ции, может стать одним из основных объектов информационной агрессии с целью его деформирования и последующего разрушения структуры связей, которая взаимосвязана с этническим стереотипом поведения. Присутствие в этносистеме семиотических элементов, поддерживающих ее структурные связи, постоянно обозначается в гумилевской теории. Рассуждая о причинах единства и целостности суперэтносов – групп этносов, возникших в результате одного пассионарного толчка, – Л.Н. Гумилев приходит к выводу, что их «повышенную стойкость можно объяснить наличием этнических доминант, словесных выражений тех или иных идеалов, которые в каждом суперэтнотипе имеют единообразные значения и сходную смысловую динамику для всех этносов, входящих в данную систему» [4, с. 147]. Особого внимания заслуживает важная роль вербального оформления и семантического наполнения этнической доминанты, способной, по Гумилеву, придать пассионарной энергии этноса целенаправленный вектор движения. Именно этнические доминанты препятствуют, по Л.Н. Гумилеву, объединению суперэтносов. Вместе с этнической доминантой на выбор поведенческого стереотипа оказывает влияние идеал, под которым в теории этногенеза подразумевается прогноз далекого будущего, воспринимающийся на уровне интуиции. Выбирая идеал, этнос формирует отношение к окружающему миру и собственное место в нем, детерминируя, таким образом, дальнейшую траекторию своего развития. Как и Г.Г. Почепцов, Л.Н. Гумилев раскрывает механизм влияния на поведенческую линию этноса через когнитивные инструменты – этническую доминанту и идеал, вербально-семиотическая природа которых предназначена для соответствующей обработки и форматирования информационных потоков в этносистеме. В условиях информационной войны внедрение идеалов с негативным знаком, по выражению Л.Н. Гумилева, может привести к ослаблению или распаду этнической целостности.

«Никто не живет одиноко, даже если очень этого хочет. Невидимые нити связывают страны, обитатели которых никогда не видели друг друга» [7, с. 195], – утверждал Л.Н. Гумилев. К таким «невидимым нитям» относятся информационные связи между не-

похожими этносами и суперэтносами с разнообразными и порой взаимоисключающими стереотипами поведения и идеалами. Кроме того, особый отпечаток на этнические и суперэтнические контакты накладывает, по Л.Н. Гумилеву, положительная и отрицательная комплиментарность – ощущение подсознательной симпатии или антипатии на популяционном уровне. Изначальная несовместимость суперэтносов при тесных информационных контактах и отрицательная комплиментарность между этническими коллективами при определенных обстоятельствах могут оказаться причинами информационной войны, которая является ровесницей военного противостояния.

Вместе с тем, характеры военных конфликтов во многом зависят от уровня этнической иерархии и различаются весьма существенным нюансом. Как подчеркивает Л.Н. Гумилев, если в противоборстве этносов одной суперэтнической системы целью войны является победа над противником, то противостояние суперэтнических систем неизбежно выливается в физическое истребление врага. Аналогичная закономерность прослеживается и в сфере информационного противоборства этнических целостностей: только в отличие от обычных военных действий, итогом информационной агрессии на уровне суперэтноса может стать, по Л.Н. Гумилеву, утрата этнической доминанты или идеала, а также их подмена альтернативными вариантами, которые предлагаются враждебной стороной. «Было бы величайшим заблуждением думать, что итогом строительства «общеевропейского дома» станет обоюдное торжество общечеловеческих ценностей. Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от собственной этнической доминанты и замена ее на господствующую систему ценностей нового суперэтноса» [8, с. 190], – предупреждал автор теории этногенеза. Кстати, и Г.Г. Почепцов отмечает «притягательность» этнической доминанты, упомянутой Л.Н. Гумилевым, и включает «общеевропейский дом» в ряд мифологических конструкций [2, с. 33]. Как и Г.Г. Почепцов, Л.Н. Гумилев наглядно демонстрирует инструмент эффективного воздействия на этнический поведенческий стереотип – внедрение уже готовых и вербально оформленных альтернативных идеалов и доминант, выпол-

няющих функции отбора и форматирования информационных потоков. Окончательными итогами поражения в информационной войне, с точки зрения Г.Г. Почепцова и Л.Н. Гумилева, является потеря управления системой, последующая добровольная ассимиляция и, наконец, разрыв внутренних связей и исчезновение системы. Стоит заметить, что Л.Н. Гумилев всегда утверждал, что в России государственное строительство в течение столетий базировалось на принципе «первичности прав каждого народа на определенный образ жизни», который «воплотился в концепции соборности» [9, с. 292].

Как и украинский исследователь, Л.Н. Гумилев акцентирует внимание именно на добровольном принятии чужой этнической доминанты, раскрывая одновременно и фактор, побудивший к подобному выбору: маскировка этнической доминанты конкретного суперэтноса под вывеской «общечеловеческих ценностей». В гумилевском предупреждении просматривается особенность информационной войны, сформулированная впоследствии Г.Г. Почепцовым, которая заключается в размывании и даже полном стирании оппозиции «друг – враг» – неизменной составляющей любого противостояния.

В условиях информационного противостояния возрастает роль свободы выбора, которой обладают как отдельные индивиды, так и этнические системы. Но вместе с тем свобода воли, по Л.Н. Гумилеву, оборачивается колоссальной ответственностью за принятые решения в альтернативных ситуациях: ведь ценой ошибочного выбора поведенческой доминанты в информационной войне может стать гибель целого народа. Поэтому вполне логично звучит гумилевское высказывание, согласно которому принятие поведенческой доминанты – это выбор «отношения <...> к жизни, как таковой, и к смерти, своей и чужой» [10, с. 47].

Основные принципы, механизмы ведения и последствия информационной войны, обозначенные в теории этногенеза Л.Н. Гумилева и сформулированные в концепции Г.Г. Почепцова, ярко проявляются в наиболее жестоком и беспощадном варианте противоборства в коммуникативном пространстве – проникновении в этническую систему мировоззренческих конструкций, которые Л.Н. Гумилев называет жизнеотрицающими.

Очаровывая своих последователей внутренней логичностью, непротиворечивостью и высоким уровнем вербального оформления, жизнеотрицающие концепции проповедают, по Л.Н. Гумилеву, освобождение человека из уз материи или, другими словами, уничтожение этносферы и биосферы. Приравнивая истину и ложь, добро и зло, жизнеотрицающие мировоззрения способствуют формированию антисистем, использующих ложь, т. е. дезинформацию, в качестве основного инструмента воздействия на этносферу и биосферу. Поэтому антисистема игнорирует накопленные запасы информации в этносе и стремится к разрушению традиционного поведенческого языка этноса. Ложь определяет выбор поведенческой доминанты. Если в информационном противостоянии суперэтносов один из них подчиняется чуждой, но все-таки реально существующей этнической доминанте, то результатом поражения в коммуникативном противоборстве с антисистемой является выбор иллюзии, за которой, по Л.Н. Гумилеву, скрывается лишь пустота. А господство пустоты неизбежно влечет за собой массовое кровопролитие и упрощение этнической целостности.

Свою концепцию антисистемных мировоззрений, применяющих информацию для уничтожения биосферы, Л.Н. Гумилев обосновал высказыванием о человеческой мысли В.И. Вернадского, о котором говорится выше. Информационная война – суровая реальность, которая выдвигает свои требования к обеспечению безопасности этнических систем. Сравнительное сопоставление концепции информационной войны Г.Г. Почепцова и теории этногенеза Л.Н. Гумилева позволяют выявить возможность применения почепцовских наблюдений в этносфере, с одной стороны, и раскрыть значительный потенциал гумилевской теории для противодействия информационной экспансии и разработки коммуникативных кампаний в области связей с общественностью.

1. *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1987.
2. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М., 2000.
3. *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М., 2001.

4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2003.
  5. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 2003.
  6. Гумилев Л.Н. Струна истории. М., 2008.
  7. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 2003.
  8. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 2003.
  9. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 2004.
  10. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2003.
  3. Pocheptsov G.G. Teoriya kommunikatsii. M., 2001.
  4. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. M., 2003.
  5. Gumilev L.N. Etnosfera: istoriya lyudey i istoriya prirody. M., 2003.
  6. Gumilev L.N. Struna istorii. M., 2008.
  7. Gumilev L.N. Konets i vnov' nachalo. M., 2003.
  8. Gumilev L.N. Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii. M., 2003.
  9. Gumilev L.N. Ot Rusi do Rossii. M., 2004.
  10. Gumilev L.N. Tysyacheletie vokrug Kaspiya. M., 2003.
-
1. Vernadskiy V.I. Khimicheskoe stroenie bio-sfery Zemli i ee okruzheniya. M., 1987.
  2. Pocheptsov G.G. Informatsionnye voyny. M., 2000.

Поступила в редакцию 12.05.2014 г.

UDC 316.28

COMMUNICATIVE ASPECTS OF G.G. POCHOPTSOV'S MEDIA WAR CONCEPT IN THE VIEW OF L.N. GUMILEV'S ETHNOGENESIS TEACHING: THEORETICAL OUTLINE OF PROBLEM

Aleksander Yuryevich PANOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Advertising and Public Relations Department, e-mail: aleksandr.panov05@yandex.ru

The article deals the media war concept by the famous scientist in the field of communicology and public relations Georgiy Georgiyevich Pocheptsov in the view of the ethnogenesis theory by the historian and ethnologist Lev Nikolayevich Gumilev. The actuality of the problem of the information impact on countries and people when the importance of the information and communication processes for human civilization is increased is substantiated. The constructive and destructive potential of the information component, the way to implement information aggression representing as communicative technology is analyzed. G.G. Pocheptsov's and L.N. Gumilev's common views on the tools, objects, purpose and consequences of the information war are indicated. G.G. Pocheptsov's media war concept through the prism of L.N. Gumilev's ethnogenesis theory is considered for the first time. Such formulation of the problem can reveal the phenomenon of information war in the ethnosphere field and use ethnogenesis theory as a tool for applied technologies in order to counteract the informational expansion.

Key words: media war; ethnogenesis theory; behavioral stereotypes; world picture; ethnic dominant; antisistem.